

Проекция атомной Вселенной была глубока и глубока. Элементы рассекались, и частицы собирались все время, представляя собой суперпозицию разрушения и созидания. Он не рухнул даже тогда, когда столкнулся с Громовым адом, но вместе с ним создал причудливый вид внутри узкой библиотеки.”

Фернандо на мгновение остолбенел. -Вы почти легендарный третий уровень... обратная связь реального мира из-за вероятностного объяснения волновой функции?”

Он все еще помнил торжественное лицо Люсьена, когда тот заявил, что «детерминизм должен умереть».

“Да. - Люсьен кивнул головой и достал две бумаги. «Вместе с» вероятностным объяснением волновой функции «они составляют основу квантовой механики. Это основной закон микромира.”

— «Эвристическое повествование о принципе неопределенности», «Коммутативный принцип волн и частиц» ... — вены вздулись на лбу Фернандо, когда он прочел «неопределенность», которая напомнила ему о «вероятности», понятии, которое должно быть отправлено в ад!

«...Пара некоммутируемых значений не может быть определена одновременно. Если вы точно знаете один из них, другой определенно будет неопределенным. Например, если вы полностью поймете скорость и массу электрона, вы потеряете его след и не сможете обнаружить его в любом месте...”

Первая статья была посвящена матричным механикам, с которыми Фернандо был знаком. Однако, помимо математической интерпретации, Люсьен также придавал особое тайное значение в качестве ответа на арканистов, которые критиковали матричную механику за ее отсутствие фактического значения.

Однако Фернандо предпочел бы, чтобы тайное значение не существовало!

Это было потому, что он отрицал их попытку исследовать мир снова. В конце концов, мы никогда не узнаем конкретную информацию об электроне, как бы сильно мы ни старались? Точное понимание своего качества неизбежно приведет к неопределенности другого качества?

Неопределенные, вероятностные микроскопические частицы были краеугольными камнями материи, которая построила весь мир. Итак, материя тоже была неопределенной и вероятностной? Сотканные из материи, были ли люди также неопределенными и вероятностными?

Это была чуть ли не самая абсурдная и смешная теория?

Подумав немного, Фернандо мрачно сказал: «это вызвано наблюдением? Микроскопические частицы слишком малы и легко могут быть нарушены, поэтому все наши наблюдения заставят их измениться. Вот почему мы не можем понять значение, измененное другим значением, когда мы его определяем?”

Он мог бы более или менее принять такое объяснение, потому что это означало бы, что эти две величины все еще могут быть измерены, и мир все еще будет наблюдаем, а не полон вероятностей, как описывал Люсьен!

Задумавшись на мгновение, Люсьен вздохнул: «мое заключение выводится с помощью математических подходов, основанных на предпосылках. То есть, ни о чем другом речь не идет. Таким образом, принцип неопределенности — это внутреннее качество микроскопических частиц, которое не имеет ничего общего с методами наблюдения. Что же касается того, почему они проявляют такое качество, то нам еще предстоит над этим поработать.”

Лицо Фернандо уже давно покраснело. Вены на его лбу вздулись, и ветер задул еще быстрее. Темная и угнетающая атмосфера полностью блокировала яркие лучи света.

Наконец, он сумел сдержаться и начал читать последнюю статью Люсьена. Первая часть газеты заставила его почувствовать себя лучше, потому что это была история, которую Люсьен описал раньше, о слепом, который прикоснулся к дракону! Поскольку микроскопические частицы не могли быть восприняты реально, они могли быть описаны только по результатам эксперимента, даже если результаты были противоречащими друг другу.

Однако затем Люсьен описал принцип неопределенности как фундаментальный закон, вызванный корпускулярно-волновым дуализмом с понятием: когда свойство частицы было более очевидным, волновое свойство исчезало, и наоборот. Они также были парой некоммутируемых значений.

Эти три статьи построили самосогласованное логическое объяснение, которое выявило закон матричного механицизма и микроскопической области, но такой закон определенно не был тем, что Фернандо хотел бы видеть!

Бум!

Гром, который был несчетное количество раз громче, чем только что разразился. Фернандо посмотрел Люсьену прямо в глаза, и в его зрачках заплескали электрические дуги. Ужасное зрелище надвигающегося хаоса даже появилось в его левом глазу.

Молния ударила в библиотеку и уничтожила книжные полки.

«Если начальные состояния не могут строго определять дальнейшее развитие материи, и если микроскопическая область полна неопределенностей, то наш мир будет еще более хаотичным и неупорядоченным, чем бездонная пасть. Мы же не можем жить и думать!”

Лил проливной дождь, но после того, как он вошел в необъятную вселенную, его затмили.

Люсьен, казалось, стоял в центре безграничной атомной Вселенной. — Детерминизм в широком смысле этого слова давным-давно столкнулся с трудностями в решении проблемы N-тел. Что касается микроскопической области, то это место, где оригинальные концепции должны быть оставлены. Неопределенность в микроскопической области не означает неопределенность в макроскопическом мире.”

Проблема N-тел была астрофизическим понятием. Его упрощенной версией была проблема трех тел. А именно, в системе, состоящей из трех планет, из-за их сложного влияния друг на друга было фактически невозможно вычислить их точные траектории. Можно было только получить решения определенных моментов в определенных частях, что было нарушением детерминизма. Однако в Школе Астрологии большинство считало, что это произошло только потому, что современная математика была еще недостаточно развита.

“Почему существует так много различий между микроскопом и макроскопом? - Фернандо взревел еще страшнее, чем гром.

Окруженный элементарными планетами, Люциен ответил: «Это именно то, над чем мы должны работать.»

“Вы ничего не знаете, и все нужно проработать, а вы достаточно смелы, чтобы выдвинуть такую теорию? - Фернандо был еще больше разъярен, что и вызвало перемены погоды вокруг. Хеллен, которая наблюдала за башней магии Аллин, заметила эту аномалию и сообщила Дугласу и другим великим арканистам, опасаясь, что она не сможет самостоятельно взять ситуацию под контроль.

Люсьен шагнул вперед в глубочайшей проекции Вселенной. «Этот вывод основан на проведенных до сих пор экспериментах. Он больше всего соответствует другим теориям и явлениям в микроскопической области!»

— Даже если она ошибочна, ее не должны осуждать устаревшие теории, а новые эксперименты!”

Пока он говорил, Люсьен поправил свой монокль.

— Учитель, успокойтесь сначала. Придумайте эксперимент, чтобы его сфальсифицировать.”

Фернандо понял, что это было всего лишь объяснение Люсьена, в котором строго соблюдался только принцип неопределенности. Поэтому ему удалось взять свои эмоции обратно под контроль после нескольких вдохов, прежде чем он объявил вслух.

“Я не могу и никогда не соглашусь с твоей теорией. Я не могу согласиться, что наш мир построен на кубиках!”

Гроза прекратилась, но ветер все еще дул, точно так же, как и в мыслях Фернандо. Это было даже более удручающим для Люсьена, чем предыдущий взгляд на Судный день. “А мой учитель, который всегда поддерживал и защищал меня, тоже встал на другую сторону этого «пути»?”

В этот момент вошел Хеллен и с подозрением спросил: «Что здесь произошло?»

Дуглас, Брук, Хэтуэй, Оливер и Висенте прибыли через одну минуту. Если Фернандо и Люсьен поссорятся, весь Аллин, вероятно, будет уничтожен.

Фернандо фыркнул и указал на бумагу на столе. — Перепишите их и прочтите сами. Помните, что это все еще только сон Люсьена, и его нельзя принимать всерьез!”

Даже Дуглас был более или менее напуган, когда они увидели бумаги на столе. Выслушав объяснения Фернандо и увидев, что он все еще стоит в целости и сохранности, они наконец скопировали бумаги и просмотрели их.

После долгого времени библиотека снова погрузилась во тьму, и космос, где планеты разрушались и разрушение окутывало все. Оливер холодно ответил: «абсурд. Это же полный бред! Это совершенно не похоже на реальный мир! Она может существовать только во сне!”

Магнитное поле, скручивающее окружающую среду с танцующими электрическими токами, Брук также торжественно сказал: «Мы не можем наблюдать неопределенность материи в реальности. Можно с уверенностью сказать, что, если мы сможем наблюдать их, это будет означать, что само наше существование нелепо и противоречит им!”

Бум!

Грохот обрушения был еще ужаснее, чем гром!

В библиотеке открывались все более сложные, невероятные виды.

Прозрачные, нежные и прозрачные снежинки падали, принося невообразимую холодность, смешанную с прерывистым бормотанием Эллина “результаты эксперимента ... детерминизм... пророчества вероятностны... материя вероятностна... мир также вероятностен?- Даже она теперь едва могла контролировать свои собственные чувства и эмоциональные изменения.

Пятна стихий расцвели подобно разноцветным цветам, которые собрались в настоящий поток. Хэтуэй безразлично читала газету, ее глаза были рассеянны, как будто она смотрела на экспериментальные данные в своей лаборатории далеко-далеко. — Вероятностный? Тогда все законы будут неверны...”

Холодная и тихая пустыня, с монументами, стоящими повсюду, прибыла. Два иглообразных красных пятна резко вспыхнули на лице Висенте, когда он сказал: «если волновая функция электронов — это вероятностная волна и суперпозиция всех их возможных местоположений, то произойдет что-то ужасное. Это приведет к потере объективности и актуальности, а мы никогда еще не наблюдали таких ужасных вещей в реальности. По крайней мере, мы существуем здесь по-настоящему.”

Туманная гора и журчащее озеро, которые были так же красивы, как и в реальном мире, умиротворяли все странные виды, кроме электрических потоков.

Под бесчисленными сверкающими звездами Дуглас был необычайно строг. “Мы верим в арканы вместо богов, потому что это побуждает нас наблюдать и рассматривать вещи с законом причинности. Мы считаем, что за всеми природными явлениями стоит единый закон, который воздействует на разные вещи своими вариациями. В основе всего сказанного мною лежит разумность и понятность мира.”

“Даже если все наблюдения до сих пор являются вероятностными, я все же утверждаю, что определенная причина, а не внутреннее качество, приводит к таким вероятностям.

— Люсьен, правда этого мира-не игра в кости!”

Когда звездный свет падал вниз, темная тень гравитации вызывала тяжелую депрессию, что приводило к сокращению пространства.

“Вот именно! Правда этого мира-не игральные кости! - Крикнул Оливер, почти потеряв самообладание и превратившись в «ревущего Фернандо».

Брук тоже одобрительно кивнул. — Правда мира — это не игра в кости!”

“Ты это слышишь? Правда мира — это не игра в кости! - Снова взревел Фернандо.

Вместе с их объявлением разрушительный шторм, разрушающиеся планеты, искривленное магнитное поле, световые лучи и искривленное пространство взорвались снова.

Бум!

«...Правда мира — это не игра в кости!”

В этом реве приговор обрушился на него, как свет Божьего суда.

Атомная Вселенная появилась снова, и вечное пламя, порожденное слиянием в бесконечном пространстве, прогнало депрессию и тьму.

Стоя в центре иллюзорной Вселенной, Люсьен покачал головой. — Мистер президент, мастер, Мистер Брук, Оливер...”

После короткой паузы он ответил еще более твердым голосом:

“Не оговаривайте, что есть истина мира, а что нет!”

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/4991/1257401>